

ЛИТОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Годъ двадцать первый.

ВЫХОДЯТЪ
ПО
ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

30-го Января 1883 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные №№ Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1883 г. по 10 коп. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редак-
ціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 5.

При печатаціи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Дѣйствія Правительства.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Богу угодно было призвать Насъ на Прародительскій Всероссійскій Престоль и нераздѣльные съ нимъ Престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго въ минуту страшнаго потрясенія. Посреди тяжелыхъ ощущеній скорби и ужаса, которыми объаты были вмѣстѣ съ Нами сердца вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, неблагоприятно было назначать и устроить торжество Коронаванія. Смирясь предъ неисповѣдимыми судьбами Провидѣнія и наказанія Господня, Мы положили въ сердца Свои не приступать къ сему священному дѣйствию, доколѣ не успокоится чувство, возмущенное страшнымъ злодѣяніемъ, жертвою коего палъ Благодѣтель Своего народа, возлюбленный Нашъ Родитель.

Нынѣ настаетъ уже время сотворить волю Господню и совершить завѣтное желаніе Наше и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества. По примѣру благочестивыхъ Государей, предковъ нашихъ, вознамѣрились Мы возложить на Себя Корону и воспріять, по установленному чину, святое Муропомазаніе, приобщивъ къ сему дѣйствию и Любезнѣйшую Супругу Нашу, Государыню Императрицу Марію Ѳеодоровну.

Возвѣщая о такомъ намѣреніи Нашемъ, долженствующемъ, при помощи Божіей, совершиться въ маѣ мѣсяцѣ сего года, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, призываемъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ соединиться съ Нами въ горячій и смиренной молитвѣ: да соблюдетъ Господь Вседержитель Насъ и Царство Наше въ мирѣ и безопасности; да излетѣ на Насъ Духа премудрости и разума; да поможетъ Намъ, съ возложеніемъ Царскаго вѣнца престопамятныхъ Предковъ, исполнить вѣрно принятый Нами обѣтъ—всего Себя посвятить благоденствію и славѣ

возлюбленнаго Отечества, служенію правдѣ и попеченію о благѣ народа, Богомъ ввѣреннаго Нашему Правленію.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 24 день января, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ третья, Царствованія же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ

Правительствующему Сенату.

I. Манифестомъ, въ сей день изданнымъ, возвѣстивъ объ имѣющемъ совершиться въ маѣ мѣсяцѣ 1883 года Коронаваніи Нашемъ, признали Мы за благо призвать къ сему времени въ первопрестольнѣй градѣ Нашѣ Москву: губернскихъ предводителей дворячества, градскихъ головъ губернскихъ городовъ, исключая сибирскихъ, по отдаленности оныхъ, и предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ благовременно учинить по сему надлежащее распоряженіе.

II. Приготовленія къ предстоящему Коронаванію Нашему и Любезнѣйшей Нашей Супруги Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны признали Мы за благо возложить на временно - учрежденную Коронаціонную Комисію подъ главнымъ вѣдѣніемъ и наблюденіемъ Министра Императорскаго Двора.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее по сему распоряженію.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

С.-Петербургъ, 24-го января 1883 г.

Мѣстные Распоряженія.

(Къ свѣдѣнію).

О выдачѣ дополнительнаго жалованья и. д. псаломщиковъ церквей Литовской епархіи. По опредѣленію Литовской д. консисторіи 21 января 1883 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ Александромъ, архіепископомъ Литовскимъ и Виленскимъ, примѣнительно къ 5 пункту выписки изъ журнала присутствія по дѣламъ православнаго

духовенства, Высочайше утвержденнаго 27 декабря 1875 года, назначена прибавка къ жалованью за весь 1882 годъ и. д. псаломщиковъ церковей Литовской епархіи, какъ служащимъ, такъ и служившимъ во время службы, — городскимъ по 14 р. 70 к., а сельскимъ по 23 р. 52 к. Увѣдомляя объ этомъ подлежащихъ лицъ, Литовская консисторія присовокупляетъ, что расчетъ добавочнаго жалованья сдѣланъ по послѣднимъ мѣстамъ ихъ служенія при церквахъ и что получить таковое изъ мѣстныхъ казначействъ они должны озаботиться отнюдь не позже срока закрытія кредита смѣты 1882 г., т. е. 30 марта 1883 года, послѣ чего требованіе о выдачѣ назначеннаго нынѣ дополнительнаго содержанія не можетъ быть удовлетворено. Вдовы и сироты — дѣти послѣ и. д. псаломщиковъ, умершихъ въ теченіе минувшаго года, для полученія добавочнаго содержанія, назначеннаго ихъ мужьямъ или отцамъ, должны предъявить мѣстнымъ казначействамъ письменныя о себѣ удостовѣренія благочинныхъ.

— 24 января, утвержденъ въ должности помощника Ивановскаго благочиннаго и на дальнѣйшее время состоящій въ оной по выбору духовенства настоятель Снитовской церкви, Кобринскаго уѣзда, *Павелъ Плескацевичъ*.

— 24 января, и. д. псаломщика Язненской церкви, Дисненскаго уѣзда, *Антонъ Латышенко* перемѣщенъ, для пользы службы, къ Оникштинской церкви, Вилкомирскаго у.

— 21 января, утвержденъ въ должности церковнаго старосты выбранный къ Поневѣжской церкви, Ковенской губерніи, отставной унтеръ-офицеръ *Теодоръ Красновъ* — на 3-е трехлѣтіе.

— 24 января, — выбранные къ церквамъ: 1) Подбѣльскаго, Бѣльскаго уѣзда, крест. дер. Козловъ *Григорій Ивановъ Оверчукъ* — на 2-е трехлѣтіе; 2) Сокольскаго — капитанъ 19 стрѣлковаго батальона *Александръ Карловичъ Антелъ*; 3) Телятичскаго, Врестскаго уѣзда, крест. дер. Верполя *Григорій Теодоровъ Ярошукъ*.

Мѣстные Извѣстія.

Отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ ученической библіотеки Литовской дух. семинаріи за 18^{81/82} учеб. годъ.

П Р И Х О Д Ъ.

Остатокъ отъ прежняго года 72 р. 87 к. Поступило взносов отъ воспитанниковъ семинаріи: а) послѣ лѣтнихъ вакацій 63 р. 65 к.; б) послѣ рождественскихъ и пасхальныхъ вакацій 28 р. 30 к. Всего 164 р. 82 к.

Р А С Х О Д Ъ.

1) На покупку новыхъ книгъ 61 р. 90 к.; 2) на переплетъ старыхъ и новыхъ книгъ 10 р. 25 к. Всего 72 руб. 15 коп.

За вычетомъ расхода изъ прихода къ наступающему 18^{82/83} году осталось 92 р. 67 к.

Приобрѣтены покупкой въ отчетномъ году болѣе цѣнныя книги: Исторія русской церкви, Голубинскаго, т. 1-й, 1 и 2-я половина тома. Цѣна 9 р.; Наука и религія, Чичерина 4 р., сочиненія Хомякова 2 т. 6 р.; Исторія церкви, Гетэ, 3 т. 7 р. 50 к.; Сибирь и каторга, Максимова, 5 р. 50 к.; Собраніе духовныхъ музыкальныхъ пѣснь, Рожнова, 10 р. 40 к.

Слѣдующія книги пожертвованы въ библіотеку ихъ авторами: Объ употребленіи евреями христ. крови, изд. 2, соч. Лютостанскаго; Талмудъ и евреи, того же автора; Ченстоховская чудотв. икона Божіей Матери, священника Н. Соболева, два экземпляра.

— **Пожертвованія.** Въ минувшемъ году по Лидскому благочинію поступили слѣд. пожертвованія: 1) въ *Мытскую* церковь отъ графини Мавросъ воздухъ шелковый въ 25 р., три пелены въ 10 р., подризникъ газетовый въ 12 р.; отъ прихожанъ 2 образа въ рамкахъ и за стекломъ въ 13 р. 2) въ *Радивонисскую* — отъ гр. Мавросъ подризникъ въ 20 р. и 2 парчевыя пелены въ 10 р., отъ игумена Виленскаго жен. монастыря Аптоніи — шелковая пелена въ 5 р.; отъ церк. старосты Ильи Каспорскаго парчевыя воздухи въ 2 р.; отъ кр.—пки Анастасіи Пищиковой образъ св. Николая въ 5 р.; отъ священника Сергія Шестова и прихожанъ: папникадило въ 20 р., запрестольная икона Божіей Матери, въ 17 р., парча на аналой въ 4 р. 90 к., 5 ф. свѣчей въ 4 р. и парчевая риза съ приборомъ въ 28 р. 3) въ *Бобрговскую* — отъ прихожанъ — церковныхъ вещей на 12 р. и отъ жены свящ. Іоанна Рожановича — пелена шерстяная въ 4 р., и 4) въ *Гончарскую* — колоколь въсомъ въ 10 п. 17 ф. на сумму 208 руб. 50 коп.

— **Некрологъ.** 26 минувшаго декабря, умерла просфорія Сѣдельнической церкви, Волковыскаго уѣзда, *Дарья Иванова Чапковская*, 51 года.

— **Вакансіи. Настоятеля:** въ г. Диснѣ — при Николаевской ц., въ с. *Городечно* — Пружанскаго уѣзда, въ с. *Цѣханосницъ* — Бѣльскаго уѣзда, въ с. *Ялевичахъ* — Слонимск. уѣзда. **Священника:** въ с. *Смоляницъ* — Рудникскаго прихода, Пружанскаго уѣзда. **Псаломщика:** при Ковенскомъ соборѣ, въ с. *Язно* — Дисненскаго уѣзда, въ с. *Сынковицахъ* — Слонимскаго уѣзда.

Неофициальный Ондвль.

Магистерскій диспутъ П. П. Жуковича.

Въ воскресенье, 16 января, въ С.-Петербургской духовной академіи, при многочисленной публикѣ, состоялась защита Платономъ Николаевичемъ Жуковичемъ своего сочиненія „*Кардиналъ Гозій и Польская церковь его времени*“, представленнаго имъ на соисканіе ученой степени магистра богословія.

Изъ краткаго „*curriculum vitae*“, прочитаннаго секретаремъ академіи, видно, что диспутантъ, имѣющій нынѣ 25 лѣтъ отъ роду, сынъ протоіерея г. Пружанъ, Гродненской губерніи, воспитывался въ Литовской духовной семинаріи, а затѣмъ въ С.-Петербургской духовной академіи, гдѣ въ 1881 году окончилъ курсъ наукъ по церковно-историческому отдѣленію, со степенью кандидата богословія съ правомъ на полученіе степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній. Въ настоящее время онъ состоитъ преподавателемъ въ Полоцкомъ духовномъ училищѣ по каедрѣ географіи и ариеметики.

Затѣмъ на каедру взошелъ магистрантъ и прочиталъ нижеслѣдующую рѣчь о *реформации въ Польшѣ*, знакомящую съ содержаніемъ его сочиненія.

Милостивые Государы и милостивые Государыни!

„Представляемое нынѣ Вашему высокопрсвѣщенному вниманию сочиненіе относится къ исторіи реформаціи и послѣдовавшаго за нею возрожденія католичества въ Польшѣ.

Въ XVI вѣкѣ вмѣстѣ со всею католическою Европою Польша вышла на время изъ своего обычнаго послушанія римскому владыкѣ и много тяжкихъ грѣховъ совершила передъ католичествомъ. Она, пять вѣковъ прожившая въ неразрывномъ единеніи съ Римомъ, потеряла тогда вѣру въ твердость и непоколебимость самыхъ устоевъ своей доселѣшней религіозной жизни и съ жаромъ принялась за созданіе новой церкви на развалинахъ одряхлѣвшаго католичества. Она, еще съ конца XIV вѣка, съ эпохи Ягелло широко распахнувшая католичеству двери въ восточную половину славянскаго міра, устами послѣдняго Ягеллона отказывалась тогда стъ своей исторической роли католическаго миссіонера въ Западной Россіи *).

Поляки пришли къ реформаціи тѣмъ же путемъ, какимъ пришли къ ней и другіе западно-европейскіе народы. Польской реформаціи давали жизнь и движеніе тѣже великія идеи, которыя лежали въ основѣ реформаціоннаго движенія во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ. Но хотя реформація, какъ слѣдствіе общихъ для всей западной Европы причинъ, имѣла всюду одну и ту же исходную точку, ставила себѣ всюду одну и ту же конечную цѣль, она, какъ извѣстно, пошла далеко не по одной и той же дорогѣ и пришла далеко не къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Вся совокупность наличныхъ условій жизни каждаго племени, народа, государства, слившись съ пробившимся наружу религіозно-реформаціоннымъ движеніемъ, сразу же опредѣлила такое или иное направленіе вышедшей изъ старыхъ береговъ жизни. Съ своей стороны и религіозная реформація во многихъ случаяхъ весьма сочувственно повліяла на взаимныя отношенія разнообразныхъ дѣйствовавшихъ въ тогдашней жизни государственно-общественныхъ силъ.

Въ Польшѣ реформація вступила въ союзъ съ шляхтою, занявшею въ XVI вѣкѣ господствующее положеніе на аренѣ борьбы польскихъ соціальныхъ силъ. Начавшійся еще въ первой половинѣ XVI вѣка союзъ этотъ въ царствованіе Сигизмунда Августа достигъ такой силы и крѣпости, что, во имя его, даже оставшаяся вѣрною католичеству шляхта или часто рука объ руку съ протестантами въ ихъ борьбѣ съ католическимъ духовенствомъ. Польской шляхтѣ, стремившейся уже тогда къ политическому всевластію, къ разрушенію духовнаго и свѣтскаго магнатства, весьма естественно было съ распростертыми объятіями выйти на встрѣчу реформаціи, которая изъ одного чувства самосохраненія предрасположена была отрицать столь ненавистныя шляхтѣ сословныя права и преимущества духовенства. Вслѣдствіе объединенія дѣла польской реформаціи съ дѣломъ польской шляхты, реформація польская носить шляхетскій отпечатокъ, и исторія реформаціи въ Польшѣ есть въ значительной степени исторія борьбы шляхты съ духовенствомъ. Повсюду въ Польшѣ возникавшія тогда столкновенія старой и новой вѣры, постепенно превращаясь въ одну грандіозную тяжбу шляхты съ духовенствомъ, переносились обыкновенно на рѣшеніе польскихъ сеймовъ. Посольская изба во все цар-

*) *Quanta sit in uno Hebreo concevendo diffizultas, писалъ Сигизмундъ Августъ кардиналу Гозию, etiam vulgari nostro proverbio cerebratur. At vero multo major esse dicitur in Graeco aut Ruteno convertendo, quid dicemus in totagente Graeca aut Rutena ad katolicam religionem adducenda? Quod scimus loquimur, et quod videmus testamur (Bibliotheka Ordynacyi Krasinskich, Warszawa, 1871, część III, str. 43).*

ствованіе Сигизмунда Августа была квинтъ-эссенціею религіозно-реформацонскихъ стремленій польскаго общества. Задавая тонъ всей польской жизни, она могущественно двигала впередъ дѣло польской реформаціи. Но двигала она его, конечно, въ своемъ духѣ, въ шляхетскомъ направленіи. Въ реформаціи ей всего сроднѣе было ея оппозиціонное отношеніе къ вѣкамъ сложившемуся строю могущественной католической іерархіи. Неудивительно, поэтому, что главнымъ объектомъ борьбы посольской избы съ католическою частью сената стало уничтоженіе духовной юрисдикціи *de haeresi*, лишеніе духовенства экономическихъ привилегій, устраненіе епископовъ отъ участія въ избраніи короля, уничтоженіе прерогативъ примаса и т. д. Неудивительно, что увлекшись своею сословною борьбою съ духовенствомъ, шляхта упустила изъ виду, или по крайней мѣрѣ, недостаточно энергично повела другое неравненно болѣе важное для протестанства дѣло провозглашеніе религіозной вѣротерпимости въ Польшѣ. Слишкомъ поздно поставленный вопросъ о свободѣ совѣсти не могъ быть рѣшенъ вполне согласно съ желаніями протестантовъ, и польское нововѣріе въ концѣ концовъ не отвоевало себѣ въ Польшѣ безспорныхъ правъ гражданства. Такимъ образомъ, шляхта не оправдала того довѣрія, которое оказала ей реформація, ввѣрившая ей свое дѣло.

Заклучившее тѣсный союзъ съ шляхетскими идеями и стремленіями, польское реформаціонное движеніе стояло въ не менѣе тѣсной связи съ національнымъ направлеиіемъ, зародившимся или усилившимся въ польской жизни еще въ дореформаціонный періодъ подъ двойнымъ вліяніемъ гуситства и гуманизма. Польское реформаціонное движеніе вообще окрашено сильнымъ національнымъ колоритомъ, и польская реформація была въ значительной степени протестомъ польскаго національнаго сознанія противъ католическаго универсализма, была стремлеиіемъ поляковъ къ эмансипаціи отъ Рима въ религіозно-церковной области. Въ этомъ своемъ значеніи польская реформація способна была примирять и до нѣкоторой степени объединять даже далеко расхордившіяся между собою на иныхъ пунктахъ стремленія шляхты и магнатства, посольской избы и сената. Даже въ духовной посольской избы и сената. Даже въ духовной половинѣ сената идея преобразования польской церкви на національныхъ началахъ была довольно популярною. Одновременно съ непрекращавшеюся на сеймахъ борьбою шляхты съ духовенствомъ, въ теченіе многихъ годовъ идутъ на сценѣ польской исторической жизни дѣятельныя приготовленія къ созванію національнаго собора, на которомъ, по плану Уханскаго, должно было совершиться созданіе національной польской церкви.

Объединеніе дѣла польской реформаціи съ дѣломъ польской шляхты и тѣсная связь ея съ польскимъ національнымъ движеніемъ, вотъ—два главные фактора въ историческомъ развитіи польской реформаціи. Хотя при ближайшемъ разсмотрѣніи ея открываются предъ глазами изслѣдователя тѣ или другіе факторы, по преимущественное вліяніе первыхъ двухъ живо чувствуется на каждомъ шагѣ. Они то и дали возможность реформаціонному движенію такъ широко разлиться по польской землѣ, такъ глубоко проникнуть въ нѣдра польской жизни, что казалось—колебались уже самыя устои этой жизни, готово было рухнуть и распасться вѣковое зданіе католичества въ Польшѣ.

Но Польша въ католичествѣ устояла. Полной, рѣшительной побѣды надъ католичествомъ не доставилъ реформаціи и тѣсный союзъ ея съ шляхетскими и національными стремленіями польскаго общества, хотя онъ и помогъ ей

одержатъ надъ нимъ не мало частныхъ, иногда блистательныхъ побѣдъ. За періодомъ реформаціонныхъ увлеченій настала для Польши періодъ увлеченій реакціонныхъ, и католичество опять ожило и возродилось въ Польшѣ. На это постепенное возрожденіе католичества въ Польшѣ я и направилъ по преимуществу свое вниманіе, поставилъ главною задачею своего сочиненія изображеніе дѣятельности кардинала Гозія, какъ вождя польскаго католичества въ борьбѣ съ протестантствомъ, какъ истиннаго патріарха возродившагося и обновившагося послѣ реформаціи польскаго католичества.

Вслѣдствіе шляхетскаго и національнаго характера польскаго реформаціоннаго движенія, и дѣятельность кардинала Гозія въ борьбѣ съ нимъ направлена была по преимуществу на защиту сословныхъ правъ и преимуществъ польскаго духовенства отъ нападеній шляхты и на противоудѣйствіе созванію въ Польшѣ національнаго собора.

Много усилій положилъ Гозій на разрѣшеніе первой задачи. Вѣдь, чѣмъ только было можно, воспользовался онъ для торжества своего дѣла. Не будучи въ силахъ сдѣлать изъ Сигизмунда Августа послушнаго сына апостольскаго престола, онъ съ большимъ упрствомъ и искусствомъ эксплуатировалъ въ свою пользу самую нерѣшительность его религіозно-церковной политики, представлявшую при тогдашнихъ обстоятельствахъ еще меньшее изъ золъ. Правда, въ сенатѣ епископы, и безъ чьихъ бы то ни было побужденій, горячо защищали свои права и привилегіи; но защищали ихъ не всегда умѣло и тактично: упорно, напр., отказываясь отъ неважныхъ и по обстоятельствамъ времени даже необходимыхъ уступокъ, они готовы были иногда, изъ за своихъ личныхъ, эгоистическихъ расчетовъ, уступить противникамъ въ весьма серьезныхъ вещахъ. Такъ что и въ сенатѣ далеко не лишними по временамъ были и зоркій глазъ, чтобы усмотрѣть истинные интересы Рима, и умѣлая рука, чтобы соблюсти ихъ. Въ посольской избѣ, особенно на первыхъ порахъ, католическій элементъ былъ такъ разрозненъ, такъ слабъ, что едвали и возможно было сдѣлать изъ него серьезное употребленіе на пользу католичества. Только со второй половины царствованія Сигизмунда Августа усиливается въ избѣ католическая партія. Только съ этого времени и становится болѣе успѣшною борьба католичества съ реформаціей въ Польшѣ. Но и въ самыя трудныя минуты вдохновляемые Гозіемъ католики умѣли отстаивать права и привилегіи польскаго духовенства, если и не *de facto*, то во всякомъ случаѣ *de jure*. Побѣдоносная на видъ борьба польской избы съ духовенствомъ, въ существѣ дѣла, была лишь непрерывнымъ рядомъ полурѣшеній, или отерочекъ рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Польша, въ царствованіе Сигизмунда Августа, жила въ исключительныхъ условіяхъ *interim'a*, въ постоянномъ лишь ожиданіи того момента, когда отъ этихъ исключительныхъ условій она перейдетъ къ твердо установившемуся строю жизни. Правда, эти условія на практикѣ, въ жизни были для протестантовъ весьма удобны, но они не представляли собою никакихъ гарантій для будущаго, и потому, когда въ Польшѣ опять возродилось католичество, ему почти не нужно было трудиться надъ уничтоженіемъ того, что и существовало лишь въ видѣ временнаго положенія. Варшавская религіозная конфедерація, гарантировавшая протестантамъ свободу вѣроисповѣданія, нестрашна была уже католикамъ въ такое время, когда Польша начинала вѣрять кардиналу Гозію, что конфедерація не что иное, какъ заговоръ дьявола противъ Господа.

Не менѣе, если не болѣе, чѣмъ борьба съ сословными стремленіями шляхты, поглотила трудовъ и усилій Гозія борьба съ весьма сильнымъ въ польскомъ обществѣ желаніемъ преобразованія польской церкви на національномъ соборѣ. Эта борьба была для Гозія тѣмъ болѣе трудною, что въ ней ему приходилось съ часу на часъ ожидать измѣны въ собственномъ лагерѣ, вѣчно опасаться, какъ бы самъ тогдашній примасъ польскій не совершилъ на національномъ соборѣ преобразованія польской церкви. Въ замыслахъ Уханскаго Гозій видѣлъ такую серьезную опасность, что въ теченіе цѣлаго ряда годовъ съ изумительнымъ упрствомъ противился созванію въ Польшѣ даже обычнаго провинціального синода, опасаясь, чтобы подъ руководствомъ примаса онъ не превратился въ національный соборъ. Въ своей борьбѣ съ національно-реформаціоннымъ движеніемъ Гозій находилъ постоянную поддержку со стороны римской курии, раздѣлявшей его антипатию къ этому движенію. Гозій и съ нимъ римская курия пожали тутъ обильные плоды своихъ трудовъ. Долголѣтнія, непрестанныя приготовленія поляковъ къ національному собору не привели ни къ чему. Ни одного практическаго шага не было сдѣлано въ такъ широко, повидимому, задуманномъ преобразованіи. И вмѣсто созданія національной польской церкви на національномъ соборѣ, Польша послѣ реформаціонныхъ увлеченій преклонилась предъ опредѣленіями тридентскаго собора.

По мѣрѣ того, какъ разрывался союзъ реформаціи съ шляхтою, по мѣрѣ того, какъ ослабѣвала связь ея съ національнымъ направленіемъ, наступала для Польши эпоха католической реакціи. Эта реакція зародилась въ Польшѣ подъ вліяніемъ, съ одной стороны, непрестанныхъ раздоровъ въ протестантскомъ лагерѣ, а съ другой, — тѣхъ нелѣпныхъ, чудовищныхъ крайностей, до которыхъ мало по малу дошло въ Польшѣ развившееся въ нѣдрахъ протестантства антиринитарство, — тѣмъ болѣе, что реформація не пустила корней въ народѣ польскомъ. Лишь только занялась надъ Польшей заря католической реакціи, кардиналъ Гозій быстро и энергично повелъ за нею польское общество. Когда дѣло шло о спасеніи святой вѣры, для него всѣ средства были хороши. Онъ ссорилъ протестантовъ разныхъ исповѣданій. Онъ бралъ подъ свое покровительство антиринитаріевъ — заклятыхъ враговъ протестантовъ. Онъ же, наконецъ, при первыхъ же симптомахъ начинающейся реакціи, призвалъ въ Польшу іезуитовъ, дѣятельно хлопоталъ о разселеніи ихъ по польскимъ и литовскимъ областямъ, всячески старался облегчить имъ первые шаги на новой землѣ. Іезуиты, конечно, сдѣлали все отъ нихъ зависѣвшее *ad majorem Dei gloriam*, и Гозій на смертномъ одрѣ смѣло могъ уже читать отходную польской реформаціи.

Мм. гг. Я изложилъ вкратцѣ сущность положеній, развиваемыхъ мною въ моемъ сочиненіи. Являясь едва ли не первымъ по времени русскимъ изслѣдователемъ по польской церковной исторіи реформаціоннаго періода, я напередъ знаю, что кромѣ указаній на многіе частныя промахи мои, вызову не мало упрековъ и въ томъ, что въ моемъ сочиненіи недостаточно изслѣдованы и уяснены тѣ или иные черты польской жизни, съ русской или славянской точки зрѣнія вообще можетъ быть, и существенно важныя. Мои высококомпетентные оппоненты, безъ сомнѣнія, раздвинуть передъ почтившею своимъ посѣщеніемъ мой диспутъ публикою болѣе широкіе горизонты, укажутъ болѣе общія и широкія точки зрѣнія на дѣло. Тѣмъ охотнѣе отдаю свое сочиненіе на ихъ просвѣщенный судъ и тѣмъ живѣе чувствую призна-

тельность высокоуважаемому проф. И. Е. Троицкому, направившему меня въ область весьма мало извѣстной въ Россіи польской церковной исторіи“.

По окончаніи рѣчи наступили пренія.

По мнѣнію официальнаго оппонента ординарнаго профессора И. Е. Троицкаго, трудъ г. Жуковича представляет собою первый вполнѣ научный опытъ изслѣдованія церковной жизни Польши—въ области русской церковно-исторической литературы. По совершенно справедливому мнѣнію магистранта, католическіе ученые дали наукѣ только нѣсколько монографій кардинала Гозія и ни одного опыта исторіи польской реформаціи; протестантскіе же ученые—наоборотъ занимались реформаціоннымъ періодомъ церковной исторіи Польши, не дали ни одной монографіи Гозія. Такимъ образомъ, тѣ и другіе ученые, и католическіе, и протестантскіе,—раздѣлили трудъ пополамъ. Но результаты этого труда какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ страдаютъ въ большей или меньшей степени однимъ и тѣмъ же недостаткомъ—односторонностью. Монографіи Гозія,—плоды ума католическихъ ученыхъ, суть не что иное, какъ панегирики Гозію; опыты реформаціи въ Польшѣ, данныя протестантскими учеными, представляютъ рядъ апологій и отчасти панегириковъ началамъ реформаціи. Магистрантъ, по мнѣнію оппонента, объединилъ эти двѣ половины одного общаго дѣла, опредѣлилъ ихъ взаимное отношеніе, установилъ ихъ генетическую связь и далъ цѣльное изслѣдованіе, чуждое вышеуказанныхъ односторонностей въ трудахъ его предшественниковъ. Со стороны обстоятельности и безпристрастія сочиненіе магистранта можетъ быть замѣчено и во всякой другой болѣе богатой церковно-научной литературѣ; въ русской же церковно-исторической литературѣ оно является первымъ и пока единственнымъ въ своемъ родѣ. Авторъ мастерски, опытною и вѣрною рукою, охарактеризовалъ Гозія, и какъ человѣка и какъ историческаго дѣятеля. Исторія реформаціи въ Польшѣ изложена магистрантомъ совершенно согласно съ источниками, и выводы, къ которымъ онъ приходитъ, обоснованы на твердыхъ историческихъ данныхъ. Вполнѣ соглашаясь съ магистрантомъ въ общемъ, оппонентъ коснулся нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ сочиненія, которыя, по его мнѣнію, могли бы быть поставлены нѣсколько иначе.

Во 1-хъ, совершенно правильно излагая исторію реформаціи въ Польшѣ, магистрантъ въ своемъ сочиненіи не достаточно опредѣленно разграничилъ между причинами, вызвавшими реформацію въ Западной Европѣ вообще, и причинами собственно-польскаго реформаціоннаго движенія. Читатель, недостаточно знакомый съ общою исторіей западной реформаціи, можетъ подумать, что элементы, подготовившіе реформацію на польской почвѣ, были только произведеніемъ этой почвы; между тѣмъ самъ магистрантъ въ своемъ трудѣ допускаетъ близкую связь между реформаціоннымъ движеніемъ въ Польшѣ и такимъ же движеніемъ въ Западной Европѣ. Недостаточная же опредѣленность въ разграниченіи причинъ того и другаго движенія привела магистранта къ нѣкоторой неясности въ частныхъ пунктахъ его изслѣдованія. Такъ, напр., когда онъ говоритъ о возникновеніи въ сознаніи польскаго общества мысли о необходимости созванія національнаго собора и основанія національной церкви, то онъ не можетъ дать читателю опредѣленнаго отвѣта на вопросъ, была ли эта мысль самостоятельной, оригинальною въ польскомъ обществѣ, или она явилась въ немъ только, какъ плодъ подражанія Западной

Европѣ. Къ тому же магистрантъ слѣдитъ за развитіемъ этой мысли на польской почвѣ по источникамъ не совсемъ удовлетворительнымъ, гдѣ встрѣчаются отрывочныя извѣстія объ этомъ (у Albertrandi и Niemcewicz'a). Имѣя же въ виду то, что эта мысль была господствующею не только въ Польшѣ, но и во всѣхъ странахъ Западной Европы, магистрантъ долженъ бы былъ сдѣлать экскурсію въ область исторіи другихъ странъ и въ общихъ источникахъ найти нѣкоторыя, не лишеныя важности, указанія относительно этого частнаго пункта своего труда. На это возраженіе магистрантъ отвѣчалъ, что какъ вообще реформаціонное движеніе въ польской церкви, такъ и въ частности мысль о созваніи національнаго собора и основаніи національной церкви онъ не признаетъ исключительно польскимъ явленіемъ: польская церковь, какъ одна изъ составныхъ частей одной римско-католической церкви, жила не только своею индивидуальною жизнію, но и въ значительной степени общою жизнію всего католичества; поэтому-то, проходящее чрезъ всю исторію западнаго католичества недовольство тогдашнимъ состояніемъ римской церкви, выражавшееся въ разныхъ формахъ, находило себѣ отзвукъ и въ Польшѣ, имѣвшей все тѣ же поводы къ заявленію этого недовольства. Отсюда образованный читатель, понимая сущность реформаціоннаго движенія въ Западной Европѣ, самъ найдетъ возможность провести дальне и точнѣе аналогію между этимъ движеніемъ и подобнымъ ему движеніемъ въ Польшѣ и, такимъ образомъ, восполнитъ тотъ пробѣлъ въ диссертациі, восполненіе котораго, еслибъ диспутантъ не захотѣлъ быть голословнымъ, завлекло бы его въ слишкомъ далекую отъ предмета сочиненія и чрезвычайно широкую область изслѣдованія вопроса о реформаціонныхъ движеніяхъ во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ.

Второе возраженіе того же оппонента было направлено противъ того, что магистрантъ въ своемъ трудѣ мало удѣлилъ вниманія догматической дѣятельности кардинала Гозія въ борьбѣ его съ протестантствомъ. Между тѣмъ извѣстно, что въ программу, начертанную Гозіемъ для борьбы съ протестантствомъ, входили не одни понятія административнаго характера, на которыя по преимуществу магистрантъ направилъ свое вниманіе: въ этой борьбѣ для Гозія имѣлъ много значенія и догматическій элементъ. Гозій послѣдилъ на помощь католической догматикѣ съ своимъ „confessione fidei“. Правда, ни откуда не видно, чтобы это „исповѣданіе“ на первыхъ же порахъ было обязательнымъ для католиковъ въ Польшѣ; но уже въ 1651 году былъ соборъ, на которомъ все члены подписали это „исповѣданіе“, имѣвшее, поэтому, весьма важное значеніе въ исторіи католической догматики. Магистрантъ отвѣтилъ, что онъ признаетъ за догматическою дѣятельностью Гозія большое значеніе, но что эта дѣятельность, какъ предметъ специально-догматическаго характера, не могла, естественно, во всей широтѣ своей входить въ область его изслѣдованія, имѣющаго предметомъ по преимуществу дѣятельность Гозія, какъ церковно-историческаго дѣятеля и что она, какъ имѣющая важное значеніе въ исторіи католической догматики, должна составить предметъ особаго специально-богословскаго изслѣдованія.

Остальныя возраженія оппонента имѣли характеръ краткихъ замѣчаній противъ нѣсколькихъ незначительныхъ, по его мнѣнію, неточностей въ сочиненіи магистранта.

По мнѣнію втораго официальнаго оппонента заслуженнаго ординарнаго профессора М. О. Кояловича, сочиненіе магистранта, по своему содержанію, примыкаетъ къ довольно

значительной уже серии тѣхъ сочиненій о религіозныхъ дѣлахъ нашей западной окраины, которыя написаны въ здѣшней академіи. Къ этой серии сочиненіе это можно отнести съ полною справедливостію и большою честію для автора его: онъ также обладалъ специальными знаніями, которыя доступны особенно тѣмъ, кто родился на западной окраинѣ Россіи; его сочиненіе отличается также, какъ большинство тѣхъ сочиненій, особенною любовью къ разъясненію религіозныхъ вопросовъ нашей западной окраины; отличается, наконецъ, оно и проявленіемъ того русскаго, и въ частности западно-русскаго чутья правды и лжи латино-польской, которое сказывается, но исключительнымъ особенностямъ того края, въ русскіхъ людяхъ, родившихся на нашемъ западѣ, и именно—благодаря ихъ практическому непосредственному знакомству съ поляками и латинянами. Это чутье иногда сказывается вѣрнѣе и пригоднѣе самыхъ научныхъ знаній! Впрочемъ, въ этой послѣдней особенності сочиненіе магистранта нѣсколько выдѣляется изъ сочиненій вышеупомянутой серии, на что оппонентъ и желаетъ обратить особенное вниманіе магистранта. Послѣдній имѣлъ подъ руками драгоценнѣйшіе источники и разработка ихъ составляетъ новый богатый вкладъ въ русскую историческую литературу. Сюда относятся—писма Гозія, реляціи папскихъ нунціевъ, акты и дневникъ Люблинскаго сейма и др. Сверхъ того, подъ руками у автора были весьма многочисленные пособія изъ области литературы не только нѣмецкой, но и польской; разобраться же въ этихъ пособіяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя явились весьма недавно, было весьма трудно. Авторъ взялся за рѣшеніе такихъ капитальныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о свободѣ совѣсти, о національномъ соборѣ и т. п. Все это, по мнѣнію оппонента, привело магистранта къ нѣкоторымъ неточностямъ и пробѣламъ въ его сочиненіи.

Прежде всего оппонентъ указалъ на то, что магистрантъ не достаточно изучилъ „Дневникъ“ Люблинскаго сейма (1596 г.), издаваемый Археографическою комиссіею, и потому допустилъ неточность въ опредѣленіи времени чачала Люблинскаго сейма, а также невѣрность, сказавъ, что Гозій пріѣхалъ на этотъ сеймъ, когда унія уже состоялась, между тѣмъ изъ „Дневника“ видно, что предъ пріѣздомъ Гозія унія не только не состоялась, но, напротивъ,—совершенно разорвалась. Съ другой стороны, магистрантъ, по мнѣнію оппонента, могъ бы восполнить, на основаніи другихъ бывшихъ у него источниковъ, пропускъ въ „Дневникѣ“, гдѣ авторъ его говоритъ, что не могъ достать тетради засѣданія, на которомъ присутствовалъ Гозій и на которомъ, между прочимъ, рѣшался вопросъ о присоединеніи Полоцкой области къ Польшѣ на такихъ же условіяхъ, на какихъ присоединена была Литовская область. Къ тому же въ „Дневникѣ“ есть не безынтересныя для магистранта данныя изъ исторіи антитринитарства, указывается, напр., на тотъ фактъ, что антитринитаріи отказывались произносить на сеймѣ присягу на томъ основаніи, что въ ней упоминается имя св. Троицы. Магистрантъ отвѣчалъ, что онъ достаточно познакомился съ „Дневникомъ“ Люблинскаго сейма, но что такое знакомство во всей широтѣ не проглядываетъ въ его сочиненіи потому, что это не требовалось задачей его сочиненія. Этимъ, напр., онъ объяснилъ, почему вопросъ объ антитринитарствѣ, имѣющій только косвенное отношеніе къ этой задачѣ, неисчерпанъ имъ всесторонне, хотя по этому вопросу онъ имѣлъ подъ руками и массу источниковъ.

Оппонентъ настаивалъ на необходимости для магистранта

проявить въ своемъ сочиненіи болѣе широкое знакомство съ „Дневникомъ“ Люблинскаго сейма, указывая между прочимъ на то, что въ такомъ случаѣ болѣе уяснился бы взглядъ магистранта на характеръ разсужденій, происшедшихъ на этомъ соборѣ, о предмерахъ вѣры. По мнѣнію оппонента, магистрантъ увидѣлъ бы въ „Дневникѣ“ поразительную странность, которая бы освѣтила предъ нимъ гражданскія и религіозныя особенности поляковъ и латинявъ: всѣ эти поборники національнаго собора, всѣ эти страстные ораторы противъ злоупотребленій латинскаго духовенства, всѣ эти страстные поборники свободы совѣсти, какъ Сенницкій и др., были въ тоже время страстными проповѣдниками наслія противъ литовцевъ и западно-руссовъ—православныхъ. Эти поборники свободы совѣсти и убѣжденій просили короля—заставить литовцевъ и западно-руссовъ прити на сеймъ и здѣсь принести присягу на вѣрность польской коронѣ! Полякъ и латинскій ксендзъ будетъ на весь міръ вопіять о свободѣ національности и вѣроисповѣданія; но какъ скоро приходится ополячить русскаго, онъ является страннымъ ретроградомъ и тиранномъ! Неудивительно послѣ этого, что одинъ изъ пословъ русскіхъ, бывший на Люблинскомъ сеймѣ, въ ужасѣ обратился къ полякамъ съ такимъ вопросомъ: „какъ мы будемъ къ вамъ присоединяться, если вы другой вѣры! Онъ хотѣлъ сказать, что вы насъ сейчасъ задушите! Не будучи достаточно знакомъ съ характеромъ отношеній поляковъ описываемаго времени къ русскимъ, магистрантъ, по мнѣнію оппонента, затрудняется прямо отвѣтить въ своемъ сочиненіи на вопросъ: кто былъ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ Модржеевскій,—этотъ ревностный проповѣдникъ національнаго собора и славянскій литургіи, былъ ли онъ протестантъ или католикъ? Сверхъ того, изъ того замѣчательнаго, по мнѣнію оппонента, факта, что Модржеевскій, Оржеховскій, Дроевскій, Уханскій находились подъ вліяніемъ русскіхъ православныхъ воззрѣній, магистрантъ долженъ былъ бы сдѣлать тотъ выводъ, что идеи о національномъ соборѣ, о славянскій литургіи возникли у этихъ лицъ подъ непосредственнымъ русскимъ православнымъ вліяніемъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ латинскихъ епископовъ и Оржеховскій и вообще массы народа прямо признаются, что въ православномъ мірѣ порядки лучше, между тѣмъ такого вывода онъ не сдѣлалъ. Въ отвѣтъ на это возраженіе магистрантъ замѣтилъ, что считая бывший у него подъ руками матеріалъ недостаточнымъ для произнесенія на основаніи его окончательнаго сужденія о нѣкоторыхъ предметахъ своего изслѣдованія, онъ старался по возможности избѣгать поспѣшныхъ выводовъ и широкихъ обобщеній, могущихъ навлечь на него обвиненіе въ произвольныхъ и пристрастныхъ сужденіяхъ. Поэтому-то именно въ своихъ разсужденіяхъ объ отношеніяхъ поляковъ и латинявъ къ русскимъ православнымъ, а также о вліяніи послѣднихъ на первыхъ онъ и не сдѣлалъ того рѣшительнаго вывода, сдѣлать который такъ горячо настаивалъ оппонентъ. Что же касается вопроса о религіозныхъ убѣжденіяхъ Модржеевского, то послѣдній, по мнѣнію магистранта, не былъ ни протестантъ, ни католикъ, а принадлежалъ къ числу тѣхъ непослѣдовательныхъ въ своихъ убѣжденіяхъ лицъ, которыя такъ часто встрѣчаются между поляками.

Далѣе, оппонентъ направилъ свои возраженія противъ того положенія магистранта, что реформаціонное движеніе въ Польшѣ было плодомъ возрожденія національнаго духа поляковъ. По мнѣнію оппонента, какъ латинство (въ формѣ

ультрамонтанства, какого держался и Гозій), такъ и протестанство были являлись, чуждыми Польшѣ, ея національному духу, занесенными сюда съ запада и поддерживаемыми здѣсь, главнымъ образомъ, нѣмцами колонистами. Это былъ наплывъ Западной Европы на Польшу. Отсюда протестанство не могло имѣть въ Польшѣ глубокихъ корней и должно было уступить свое мѣсто болѣе глубокому и серьезному стремленію тогдашнихъ передовыхъ дѣятелей и массы народа къ реформамъ, произведеннымъ на началахъ славянскихъ вслѣдствіе сильнаго въ то время русскаго вліянія. Напрасно поэтому, по замѣчанію оппонента, ходить по Западной Европѣ и тамъ отыскивать то, съ чѣмъ было связано реформаціонное движеніе въ Польшѣ въ XVI вѣкѣ: оно, несомнѣнно, было связано съ русскимъ вліяніемъ и для доказательства этой мысли необходимо было бы для магистранта познакомиться съ сочиненіемъ іезуита Скарги: „о единствѣ церкви“. Еслибъ магистрантъ допустилъ мысль о русскомъ вліяніи на реформаціонное движеніе въ Польшѣ, то онъ, по мнѣнію оппонента, нѣсколько иначе обрисовалъ бы дѣятельность Гозія, не назвалъ бы его патриархомъ польскаго католичества. Гозій, по мнѣнію оппонента, это—опоячавшійся нѣмецъ, ненавидимый и нѣмцами и поляками, побывавшій въ русской странѣ (Вильно тогда былъ советъ русской городъ) и облагодѣтельствовавшій эту страну призывомъ сюда всемірныхъ развратителей—іезуитовъ. Этотъ человекъ, совершенно оторванный отъ національныхъ интересовъ, въ которомъ пропала даже всякая кака-нибудь основа національности, видѣлъ для себя единственный выходъ въ служеніи міровой силѣ латинства. Вотъ гдѣ разгадка того фанатизма, съ которымъ онъ служилъ напѣ и противдѣйствуетъ полякамъ! Но онъ попалъ въ среднюю съ нимъ польскую среду, также подорвавшую въ себѣ, главнымъ образомъ, благодаря усердію іезуитовъ, національныя начала: онъ былъ поистинѣ историческою заслугою, бичемъ панскимъ для поляковъ. Вотъ, чѣмъ и объясняется успѣхъ его дѣятельности и неудача для національныхъ стремленій лучшихъ въ Польшѣ людей того времени, прониженныхъ славянскими интересами и состоявшихъ подъ русскимъ вліяніемъ. Мало того, еслибъ магистрантъ допустилъ вышеупомянутую мысль о русскомъ вліяніи на дѣла Польши въ XVI в., то онъ, по мнѣнію оппонента, невольно пришелъ бы къ сравненію Гозія съ нашимъ Іосифомъ Волоколамскимъ, къ сопоставленію всего вопроса о свободѣ совѣсти въ Польшѣ съ этимъ же вопросомъ, поднятымъ у насъ на Руси за полстолѣтіе слишкомъ назадъ и выдвинувшимъ подобнаго Гозію дѣятеля. Изъ сопоставленія оказывается: Іосифъ Волоколамскій, говоря, что нужно казнить еретиковъ, считаетъ нужнымъ доказывать эту мысль на основаніи св. Писанія и древнихъ греческихъ церковныхъ порядковъ. Гозій не считаетъ нужнымъ дѣлать этого: онъ предписываетъ казнь безъ оговорки. Іосифъ говоритъ, что ради поддержанія церкви можно употребить и хитрость; но при этомъ старается оправдать этотъ взглядъ примѣрами изъ исторіи. Гозій вовсе не считаетъ дурнымъ дѣломъ хитрую политику: онъ готовъ привѣтствовать разрушившихъ протестантскую школу. Очевидно, громадная разница между нравственною чистотою перваго и втораго дѣятеля! Далѣе, въ средѣ русскихъ іерарховъ раздаются могущественные голоса: можно ли казнить за вѣру? А въ Польшѣ, на Люблинскомъ сеймѣ, около того времени, пытали и жгли живодствующихъ! Очевидно, польское общество, тщеславящееся своего рода необычайными дѣлами, развитіемъ, въ своей

жизни сильно отстало отъ русскаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, невольно подчинилось вліянію этого послѣдняго. Такимъ образомъ, продолжалъ оппонентъ, еслибъ магистрантъ не заходилъ слишкомъ далеко отъ русскихъ предѣловъ въ Западную Европу вмѣстѣ съ Гозіемъ, еслибъ онъ больше повернулся къ русскимъ предѣламъ, къ вліянію огромной русской массы, которая соединялась въ это время съ поляками, то онъ иначе представилъ бы и протестантское, и національное польское движеніе, и дѣятельность Гозія. Не сдѣлавъ это, магистрантъ, по мнѣнію оппонента, наложилъ на свое сочиненіе особый отпечатокъ, отличающій послѣднее отъ другихъ сочиненій вышеуказанной серіи. Магистрантъ на это отвѣтилъ, что онъ не отрицаетъ вполнѣ русскаго вліянія на реформаціонное движеніе въ Польшѣ, только рѣшительно не находитъ возможнымъ приписать этому вліянію то громадное значеніе, какое приписываетъ ему оппонентъ,—и это опять потому же, что въ изслѣдованныхъ имъ источникахъ онъ не находилъ фактовъ, которыя могли бы подтвердить мысль оппонента. На основаніи найденныхъ и изложенныхъ въ его сочиненіи фактовъ онъ долженъ былъ признать, что реформаціонное движеніе въ Польшѣ обязано возрожденію національнаго духа Польши. Что же касается до сочиненія Скарги, то онъ не считалъ нужнымъ знакомиться съ нимъ потому, что оно явилось послѣ смерти Гозія.

Оппонентъ еще замѣтилъ магистранту. „Я не врагъ того стремленія къ нѣмецкой научности, которое васъ увлекло. Я желаю, чтобы вы и на будущее время дѣлали экскурсіи въ область историческихъ изслѣдованій западно-русской жизни. Но я желаю, чтобы надъ вами каждый разъ при этомъ оправдывалось то, на что съ восторгомъ указываетъ въ XVI вѣкѣ князь Курбскій,—именно, чтобы вы, какъ корабль, наполненный въ Западной Европѣ драгоценностями, все таки возвращались на родину и были вѣрны отеческимъ преданіямъ и въ частности—своимъ западно-русскимъ звѣніямъ,—чтобы вы обѣдились, что русская точка зрѣнія на разыскиваемые вами дѣла—самая научная. Впрочемъ въ дѣйствительности вы и держитесь такой именно точки зрѣнія, хотя въ предисловіи къ своему сочиненію и выражаете желаніе держаться объективной точки зрѣнія“. Магистрантъ на это замѣтилъ, что онъ чуждъ увлеченій нѣмецкою научностью и что въ немъ живо и сильно дорогое для него чувство любви къ родинѣ и въ частности къ западно-русской точкѣ зрѣнія.

Въ заключеніе М. О. Кояловичъ сказалъ: „Закончу свои возраженія тѣмъ, что пожелаю вамъ, чтобы при дальнѣйшихъ экскурсіяхъ вашихъ въ широчайшую область протестантства и латинства въ западной Россіи вы приглядывались къ тому, какъ чувствовали себя поляки по отношенію къ русскимъ, и чтобы этимъ вы опредѣли существенныя дѣла въ Польшѣ и чтобы имѣли большую возможность, чѣмъ теперь, заниматься этими дѣлами. Вы, отнынѣ магистръ богословія, будете предметомъ изумленія для многихъ: учитель географіи и ариметики въ Полоцкомъ духовномъ училищѣ, имѣющій такую ученую степень, это необычайная роскошь, особенно изумительная въ наше время, при нынѣшнихъ всеобщихъ жалобахъ на скудость людей!

Еще пожелаю, чтобы вы имѣли болѣе широкую дѣятельность и большую возможность разъяснять вопросы, на которыя мы обратили ваше вниманіе; чтобы вы были гдѣ либо около большого количества книгъ, хотябы, напр., въ Вильнѣ, гдѣ бы вы могли приготовиться къ ученой дѣя-

тельности въ будущей Виленской академіи, въ профессора которой вы несомнѣнно должны быть признаны первымъ и вполнѣ достойнымъ кандидатомъ“.

Этимъ и закончились пренія; неофициальныхъ оппонентовъ не было. Послѣ этого о. ректоръ академіи протоіерей І. Л. Янышевъ, отобравъ голоса у членовъ совѣта академіи, объявилъ, что совѣтъ академіи единогласно признаетъ защиту диспутанта г. Жуковича удовлетворительною, а самого диспутанта удостоеннымъ ученой степени магистра богословія, о чемъ и постановилъ представить на утверждение Его Высокопреосвященства.

Вслѣдъ за единодушнымъ признаніемъ послѣдовали единодушныя долго неумолкавшія аплодисменты и поздравленія, приписанныя г. Жуковичу со стороны профессоровъ академіи и всѣхъ знавшихъ его.

Тезисы къ сочиненію г. Жуковича.

1) Польское католическое духовенство первой половины XVI вѣка, не смотря на свое высокое положеніе въ государствѣ, не только не воспрепятствовало проникновенію въ Польшу реформаціонныхъ идей, но само своею нравственною распущенностію и свѣтскимъ характеромъ вызвало и разжигало оппозицію католичеству. 2) Эта оппозиція совпала въ Польшѣ въ XVI ст. съ сословною враждою дворянства къ духовенству, прогрессивно возрастающею съ увеличеніемъ могущества шляхты и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливающею и обостряющею самую эту оппозицію. 3) Усиленіе въ польской жизни подъ вліяніемъ гуситства національнаго направленія, тѣсная интеллектуальная связь Польши съ западною Европою въ эпоху реформатскихъ соборовъ и широкое распространеніе въ польскомъ обществѣ идей гуманизма окончательно расчистили дорогу для проникновенія въ Польшу реформации. 4) Во все царствованіе Сигизмунда I проникшее изъ сосѣдней Германии реформаціонное движеніе росло и крѣпло въ Польшѣ, хотя репрессивныя мѣры этого короля и задержали на время открытое проявленіе реформаціонныхъ стремленій польскаго общества. 5) Сфера распространенія реформаціонныхъ идей ограничивалась въ Польшѣ высшимъ и отчасти среднимъ сословіями, а основной ихъ характеръ, особенно на первыхъ порахъ, былъ отрицательный и состоялъ въ желаніи устраненія на вселенскомъ соборѣ аномалій тогдашняго строя католической церкви. 6) Со вступленіемъ на престолъ Сигизмунда Августа, склоняшагося, хотя и нерѣшительно, на сторону реформы церковной, реформаціонное движеніе, быстро и широко распространившееся въ Польшѣ, стало постепенно слагаться въ вѣроисповѣдныя группы, наиболѣе компактною и многочисленною изъ которыхъ было богемско-реформатское исповѣданіе. 7) Особенную силу польскому реформаціонному движенію сообщало начавшееся еще при Сигизмундѣ I объединеніе религиозно-реформаціонныхъ стремленій польскаго общества съ социально-реформатскими тенденціями польской шляхты, приведшее къ непрекращавшейся на сеймахъ эпохи послѣдняго Ягеллона борьбѣ посольской избы съ епископами изъ-за духовной юрисдикціи и экономическихъ привиллегій духовенства. 8) Одновременно съ утвержденіемъ отдѣльныхъ протестантскихъ исповѣданій росло въ польскомъ обществѣ стремленіе къ преобразованію существующей поль-

ской церкви, выразившееся въ попыткахъ къ созванію національнаго собора для этого преобразованія. 9) Деморализованное польское духовенство, не получившее притомъ во время умѣлой поддержки отъ Рима, оказалось, не смотря на всѣ старанія вармійскаго епископа Гозія, безсильнымъ для активной борьбы съ охватившимъ польское общество реформаціоннымъ движеніемъ. 10) Предводимая Гозіемъ строго-католическая часть польскаго духовенства сосредоточила всѣ усилія свои на пассивной оборотѣ вѣками сложившагося строя католической церкви вообще и польской католической іерархіи въ частности. 11) Безсильная для того, чтобы de facto оградить свои судебныя и имущественныя права и привилегіи отъ постоянныхъ нарушеній ихъ со стороны увлекающейся реформаціонными идеями шляхты, она отстояла однако эти права и привилегіи въ привидѣніи, de jure. 12) Въ теченіе цѣлаго ряда годовъ она всеми доступными ей средствами разстраивала реформаторскіе планы національной партіи, руководимой примасомъ Уханскимъ, и въ концѣ концовъ не допустила созванія въ Польшѣ національнаго собора. 13) Гибельные раздоры отдѣльныхъ протестантскихъ исповѣданій и широкое распространеніе крайнихъ антитринитарскихъ ученій вызвали во вторую половину царствованія Сигизмунда Августа католическую реакцію, тѣмъ болѣе что польское реформаціонное движеніе ни въ высшемъ правительствѣ не наидо себѣ могущественной поддержки, ни въ массу народа польскаго не проложило себѣ пути. 14) Обладавшій всеми нужными для того умственными и нравственными качествами кардиналъ Гозій взялъ въ свои руки направленіе зародившейся католической реакціи, призвавъ въ Польшу, для полнаго возрожденія въ ней католичества, іезуитовъ. 15) Вопросъ о свободѣ совѣсти, лишь къ концу царствованія Сигизмунда Августа поставленный прямо, остался нерѣшеннымъ въ это царствованіе, и многіе годы длившаяся борьба католиковъ и протестантовъ была лишь непрерывнымъ рядомъ полурѣшеній или оторочекъ рѣшенія спорнаго вопроса. 16) Въ возобновившейся по смерти Сигизмунда Августа борьбѣ изъ-за свободы вѣроисповѣданія, вдохновляемая Гозіемъ реакціонная партія энергично боролась противъ варшавской религиозной конфедераціи, гарантировавшей не-католикамъ свободу совѣсти, и, хотя вопреки ея усиліямъ Генрихъ Анжуйскій и Стефанъ Баторій поклялись въ соблюденіи конфедераціи, сдѣлала однако все отъ нея зависѣвшее для того, чтобы уронить ея авторитетъ. 17) Постепенно усилившаяся во время безкоролья католическая реакція въ царствованіе Стефана Баторія, осыпавшаго своими милостями іезуитовъ, взяла рѣшительный перевѣсъ надъ реформациею, такъ что предъ самою смертю кардинала Гозія Польша окончательно и торжественно скрѣпила ослабѣвшую было свою связь съ Римомъ принятіемъ опредѣленной тридентскаго собора.

Содержаніе № 5.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА. Высочайшій манифестъ. МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Къ свѣдѣнію. МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Отчетъ. Пожертвованія. Вакансіи. НЕОФФИЦ. ОТДѢЛЪ. Магистерскій диспутъ П. Н. Жуковича.

Предыдущій № сдать на почту 23-го Января.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.